

ФОРМИРОВАНИЕ «НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ*

К.А. Ефремова

Политико-экономический ракурс современных региональных и глобальных трансформаций приобретает для России особое значение в контексте представлений о формировании «нового мирового порядка»¹, которые разделяет не только значительная часть военно-политического истеблишмента США, но и большинство западных политологов. Однако теоретические интерпретации происходящего на наших глазах становления новой системы глобального регулирования международных отношений существенно варьируются в зависимости от уровня профессиональной квалификации и характера политических пристрастий комментаторов. Чтобы разобраться в хитросплетении политической теории, идеологии и пропаганды, в широком ассортименте предлагаемом нам средствами массовой информации, воспользуемся самым мощным инструментом аналитика – объективным знанием и научной логикой, позволяющими пролить свет на сущность социальных явлений.

Стремление части аналитического общества концептуализировать идеологические клише нередко заводит на зыбкую почву догадок и предположений о том, что

же за ними скрывается. Различные школы и направления соперничают между собой в попытках разгадать криптограммы, оставленные журналистами и государственными деятелями профессиональному академическому сообществу, в то время, как теоретические построения в рамках научных объяснений учеными-политологами журналистами и политиками просто не принимаются в расчет. Так было некогда с умозрительными построениями теоретиков от геополитики, так происходит в наши дни с популярной концепцией очередного «нового мирового порядка». Но каковы же в действительности базовые параметры «нового мирового порядка»? Чем он отличается от «старого» мирового порядка? Когда он начался и сколько продлится? Или, быть может, он ещё не наступил, и все разговоры о нём – лишь политические спекуляции, дань моде на альтернативное видение современной истории? Эти и многие другие вопросы способны поставить в тупик любого старающегося последовательно и непредвзято подойти к анализу этой непростой проблемы, представляющей не только академический, но и существенный пропагандистский интерес.

В рамках данной статьи мы постараемся приблизиться к теоретическому, т.е. научному, пониманию концепции «нового мирового порядка», оставляя в стороне идеологизированную интерпретацию этого термина, безуслов-

¹ Термином «мировой порядок», как правило, обозначается конвенциональная система мирового устройства, определяющая принципиальный характер взаимодействия между государствами и негосударственными акторами.

* Данная статья подготовлена на основе лекций, прочитанных автором для иностранных студентов в рамках Летней школы МГИМО МИД России (март-апрель и июнь-июль 2009 г.).

но, хорошо знакомую российским читателям по публикациям ряда отечественных авторов². Я в своем анализе опираюсь на фундаментальные работы известных российских (Э.Я. Баталов³, А.Д. Богатуров⁴, А.Д. Воскресенский⁵, С.В. Кортунов⁶, Н.А. Косолапов⁷, В.Б. Кувал-

дин⁸, В.М. Кулагин⁹, А.М. Салмин¹⁰, Т.А. Шаклеина¹¹) и зарубежных (Дж. Айкенберри¹²,

² См., например: Кара-Мурза С. Г. Концепция «золотого миллиарда» и Новый мировой порядок, 1999. Режим доступа: <http://www.kara-murza.ru/books/articles/oro1.html> [Kara-Murza S.G. Kontsepsiia «zolotogo milliarda» i Novyi mirovoi porjadok (The concept of “the Golden Billion” and the new world order), 1999. Mode of access: <http://www.kara-murza.ru/books/articles/oro1.html>].

³ Баталов Э.Я. «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. – 2003. – №5. – С. 25-37. [Batalov E.Ja. «Novyj mirovoj porjadok»: k metodologii analiza («New world order»: towards methodology of analysis) // Polis, 2003, No. 5, pp. 25-37].

⁴ Богатуров А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. – 1993. – № 7. – С. 30-40; Богатуров А.Д. Современный международный порядок // Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: Просвещение, 2004. – С. 66-89. [Bogaturov A.D. Krizis mirosistemnogo regulirovanija (Crisis of world-system regulation) // Mezhdunarodnaja zhizn', 1993, No. 7, pp. 30-40; Bogaturov A.D. Sovremennij mezhdunarodnyj porjadok (Contemporary world order) // Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika (Contemporary International Relations and World Politics) / Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: Prosveshhenie, 2004. Pp. 66-89].

⁵ Воскресенский А.Д. «Стержень» азиатского азимута внешней политики России // Pro et Contra. – 2001. – Том 6, №4. – С. 74-93 [Voskressenski, Alexei D. «Sterzhen'» aziatskogo azimuta vneshnej politiki Rossii («The pivot» of Asian azimuth of Russia's foreign policy) // Pro et Contra, 2001, Vol. 6, No. 4, pp. 74-93].

⁶ Кортунов С.В. Становление нового мирового порядка // Международная жизнь. – 2002. – № 6. – С. 77-94 [Kortunov S.V. Stanovlenie novogo mirovogo porjadka (The making of new world order) // Mezhdunarodnaja zhizn', 2002, No. 6, pp. 77-94].

⁷ Косолапов Н.А. Контуры нового миропорядка // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. – Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи. – Серия «Научные доклады», №91. – М.: МОНФ; ИМЭМО РАН, 1999 [Kosolapov N.A. Kontury novogo miroporjadka (The New World Order Outline) // Postindustrial'nyj

mir: centr, periferija, Rossija. – Sbornik 1. Obshhie problemy postindustrial'noj jepohi. (Post-Industrial World: The Center, Periphery, and Russia – Book 1. General Problems of Post-Industrial Epoch) – Serija «Nauchnye doklady», No.91. Moscow: MONF; IMEMO RAN, 1999].

⁸ Кувалдин В.Б. Глобализация и новый миропорядок / Современные международные отношения и мировая политика / Отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: Просвещение, 2004. – С. 89-106 [Kuvaldin V.B. Globalizacija i novyj miroporjadok (Globalisation and New World Order) / Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika (Contemporary International Relations and World Politics) / Ed. by A.V. Torkunov. Moscow: Prosveshhenie, 2004. Pp. 89-106].

⁹ Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica? // Полис. – 2000. – № 1. – С. 23-37 [Kulagin V.M. Mir v XXI veke: mnogopoljusnyj balans sil ili global'nyj Pax Democratica? (The World in the XXI Century: Multipolar Balance of Power or Global Pax Democratica?) // Polis, 2000, No. 1, pp. 23-37].

¹⁰ Салмин А.М. Россия, Европа и новый мировой порядок // Полис. – 1999. – №2. – С.10-31 [Salmin A.M. Rossija, Evropa i novyj mirovoj porjadok (Russia, Europe and New World Order) // Polis, 1999, No.2, pp.10-31].

¹¹ Шаклеина Т.А. Статус-кво как оппозиция миропорядку / Т.А. Шаклеина // Международные процессы. – 2006. – Том 4. № 1. – С.104-110.; Шаклеина Т.А. Критическое направление исследований миропорядка в США // Международные процессы. – 2007. – № 3. – С. 66-75.; Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. – М.: Институт США и Канады РАН, 2002. – 445 с [Shakleina T.A. Status-kvo kak oppozicija miroporjadku (Status-quo as an opposition to world order) // Mezhdunarodnye processy, 2006, Vol. 4. No.1, pp.104-110; Shakleina T.A. Kriticheskoe napravlenie issledovanij miroporjadka v SshA (Critical studies of world order in the USA) // Mezhdunarodnye processy, 2007, No. 3, pp. 66-75; Shakleina T.A. Rossija i SshA v novom mirovom porjadke. (Russia and the USA in the new world order). Moscow: Institut SshA i Kanady RAN, 2002. 445 p].

¹² Ikenberry, G. John. Liberal Hegemony and the Future of American Postwar Order // International Order and the Future of World Politics / Ed. by John A. Hall and T.V. Paul. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. Pp. 123-145.

С. Джилл¹³, Дж. Най-мл.¹⁴, А.-М. Слотер¹⁵, К. Бут, Н. Уилер¹⁶) политологов и, суммируя многообразие подходов к самому понятию *мирового порядка*, пытаюсь предложить единую концептуальную схему, позволяющую разграничить его различные теоретические трактовки в рамках именно научного, а не журналистского, идеологического или пропагандистского осмысления.

Предлагаемая мной схема основывается на классификации, выработанной британскими исследователями К. Бутом и Н. Уилером в ходе их совместной работы над монографией «Дилемма безопасности» (2008), заслуженно претендующей на то, чтобы стать академическим бестселлером. Исходя из логики авторов, рассуждающих о сущности мирового порядка, Бут и Уилер выделяют три основных подхода к анализу современной мирополитической ситуации: фаталистский (*fatalist*), посреднический (*mitigator*) и трансцендентный (*transcender*)¹⁷. В рамках данной статьи я последовательно рассмотрю каждый из этих подходов, чтобы понять, насколько данная теоретическая схема применима к анализу глобальных политико-экономических изменений и какие практические выводы можно

сделать на её основе для России на примере тех вызовов, которые возникают перед ней в процессе современных мирополитических трансформаций.

ФАТАЛИСТСКИЙ ПОДХОД

Фатализм в международных отношениях тесно ассоциируется с реалистической парадигмой, традиционно доминировавшей в умах европейских государственных деятелей со времен Венского конгресса. Ей отдали дань такие выдающиеся ученые и дипломаты, как Ганс Моргентау, Эдвард Х. Карр и Генри Киссинджер. Квинтэссенцией фаталистского манифеста может послужить высказывание Джона Миршаймера, автора нашумевшей концепции «наступательного реализма» (*offensive realism*): «Только заблуждающееся государство пройдет мимо возможности стать гегемоном в системе, полагая, что у него и так достаточно мощи, чтобы выжить»¹⁸. В конце XX века в ряды фаталистов неожиданно были записаны и приверженцы «либеральной гегемонии» (*liberal hegemony*) как части структурного реализма, взгляды которых были упрощены до утверждения, что глобальное доминирование единственной сверхдержавы означает реализацию пророчества Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» и триумфе западной либеральной демократии¹⁹. Несмотря на то, что реалисты и глобалисты очевидно расходятся в базовых теоретических постулатах, их роднит между собой общее восприятие международных отношений как арены неизбежного конфликта, что и позволяет отнести их к фаталистам по классификации Бута и Уилера²⁰.

¹⁸ Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.: W.W. Norton and Co, 2001. P. 35

¹⁹ Фукуяма, Фрэнсис. Конец истории? // Вопросы философии. – М., 1990. – №3. – С. 84-118 [Fukuyama, Francis. *Konec istorii?* (The end of history?) // *Voprosy filosofii*, 1990, No.3, pp. 84-118].

²⁰ Впрочем, сами авторы классификации относят глобалистов к сторонникам трансцендентного подхода, исходя из представлений о преходящем характере конфликта между «историческим» и «постисторическим» (либеральным) мирами, который закончится неизбежной победой последнего.

¹³ Gill, Stephen. *Power and Resistance in the New World Order*. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 238 p.

¹⁴ Nye, Joseph S. Jr. *What New World Order?* // *Foreign Affairs*, 1992, Spring, pp.83-113.

¹⁵ Slaughter (Burley), Anne-Marie. *International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda* // *The American Journal of International Law*, 1993, Vol. 87, No.2, pp. 205-239; Slaughter, Anne-Marie. *A New World Order*. Princeton University Press, 2004. 341 p.

¹⁶ Booth, Ken. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics* / Ken Booth, Nicholas Wheeler. London: Palgrave Macmillan, 2008. 272 p.

¹⁷ Booth, Ken. *The Security Dilemma...*, с. 10. Классификация Бута и Уилера восходит к типологии, предложенной их соотечественником и коллегой М. Уайтом, который подразделял теории международных отношений на реалистические, рационалистические и революционные (см. Wight, Martin. *International Theory: The Three Traditions*. Leicester: Leichestor University Press, 1991. 286 p.), однако по-иному расставляет акценты, отталкиваясь от различий в трактовке дилеммы безопасности.

Сторонники фаталистского подхода полагают, что мировой порядок как инвариант глобального мироустройства представляет собой игру с нулевой суммой, в которой взаимодействия между государствами (или группами государств, как в случае с глобалистами) осуществляются преимущественно на конфронтационной основе, а принципиальный характер их взаимодействий определяется конъюнктурной расстановкой сил на мировой арене. Данная группа авторов связывает становление нового мирового порядка с возвышением одного (США) или нескольких (США, ЕС, Япония, страны БРИКС) «центров силы», различающихся по масштабу своего регионального и глобального влияния. Конфронтационная логика предполагает, что новые «центры силы» столкнутся с нарастающим противодействием со стороны оппозиционных государств и негосударственных акторов (таких как Аль-Каида), которые, будучи не в состоянии напрямую противостоять мировым лидерам, начнут использовать асимметричные средства продвижения собственных интересов – диверсионно-террористические акты, угрозы применения оружия массового уничтожения, информационно-пропагандистскую обработку населения ведущих мировых держав с целью формирования благоприятного общественного мнения и оказания политического давления на их правительства изнутри. Перспективы нового мирового порядка в представлении фаталистов определяются, в первую очередь, формирующейся конфигурацией сил (однополярность / многополярность) и характером взаимоотношений между ведущими державами («концерт» либо новая межблоковая конфронтация).

За последние четверть века рассуждения фаталистов о мировом порядке эволюционировали от прямолинейной аллегории «бильярдного стола» (Ганс Моргентау) до политкорректного образа «шахматной доски» (Збигнев Бжезински), однако сущность их дискурса осталась прежней: правила межгосударственного взаимодействия устанавливают более сильные акторы. Показательно, что громкие заявления о начале «нового» мирового порядка дважды звучали из уст лидеров крупнейшей мировой

державы – США²¹. Вместе с тем, «ползучее» распространение ядерного оружия ставит объективный предел возможностям установления глобальной гегемонии, будь то либеральной или какой-либо иной. Напрашивается парадоксальный вывод, что мировой порядок в понимании фаталистов закончился ещё в мае 1998 года, когда постоянные члены Совета Безопасности ООН, до этого момента обладавшие коллективной монополией на ядерное оружие, не только не сумели предотвратить нуклеаризацию Индии и Пакистана, но и были вынуждены смириться с фактическим вступлением двух этих стран в «ядерный клуб». В данном контексте предложение президента США Барака Обамы о всеобщем ядерном разоружении расценивается некоторыми российскими экспертами как попытка вернуться в «доядерную» эпоху, допускавшую возможность установления гегемонии посредством конвенционального оружия²².

ПОСРЕДНИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В начале 1980-х гг., когда СССР и США застыли в напряженном ожидании ядерного удара со стороны потенциального противника, американский политолог Роберт Аксельрод организовал турнир компьютерных программ с целью выработать оптимальную стратегию поведения в известной математической игре «Дилемма заключенного». Несмотря на разнообразие представленных участниками соревнования математически «рационализированных» стратегий, нацеленных на максимизацию интересов одного игрока за счет других, по результатам серии игр неожиданно победила «контринтуитивная» стратегия Анатолия Рапопорта, допуская принятие компромиссных решений,

²¹ Дрезнер, Даниел. Новый «новый мировой порядок» // Россия в глобальной политике. – М., 2007. – №2. – С.21-35 [Drezner, Daniel. Novyj «novyj mirovoj porjadok» (New «new world order») // *Rossija v global'noj politike*, 2007, No.2, pp. 21-35].

²² Интервью директора Центра анализа стратегий и технологий Р. Пухова аналитической программе «Постскриптум». Телеканал ТВЦ, 3 октября 2009 г.

учитывающих интересы игрока-партнера. Таким образом, была теоретически доказана необходимость международного сотрудничества, основанного на общности интересов и взаимном доверии²³. Справедливости ради следует отметить, что задолго до Р. Аксельрода ту же идею высказал американский президент Вудро Вильсон, немало почерпнувший из интеллектуального наследия Иммануила Канта и Гуго Гроция. В своем обращении к Конгрессу США от 8 января 1918 года, вошедшем в историю как «Четырнадцать пунктов», В. Вильсон призывал к образованию «общего объединения наций ... в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств»²⁴. По замыслу В. Вильсона, данная организация должна была стать посредником между нациями, помогая им выстраивать отношения партнерства и взаимного доверия. В дальнейшем его идеи стимулировали становление целого ряда научных школ и направлений либерального толка.

Современные последователи посреднического подхода (институционалисты, функционалисты, конструктивисты и др.) считают, что мировой порядок представляет собой игру с ненулевой суммой, в которой государства предпочитают инвестировать часть своего суверенитета в создаваемые ими международные институты – режимы и организации – в

расчете на то, что добровольное соблюдение коллективно установленных правил поможет снизить степень неопределенности в международных отношениях, ведущей к росту взаимного недоверия, и предотвратить потенциальную конфронтацию между ними. В то же время, представители различных направлений расходятся во мнениях относительно того, что же гарантирует участие государств в международных институтах. Конструктивисты полагают, что необходимым условием межгосударственного сотрудничества является коллективная идентичность, сформированная на основе общих ценностей²⁵. Институционалисты считают, что кооперативный мировой порядок формируется в результате совместных усилий, направленных на согласование общих норм поведения, в частности, закрепленных международно-правовыми документами²⁶. Функционалисты же предлагают в качестве универсального объяснения международного сотрудничества наличие общих интересов, подталкивающее государства к взаимодействию друг с другом, невзирая на несовместимые системы ценностей²⁷ (что, в частности, позволяет теоретически обосновать сотрудничество между СССР и США по вопросам сокращения стратегических наступательных вооружений).

Однако перспектива полноценного межгосударственного сотрудничества, предла-

²³ Аксельрод Р. Эволюция сотрудничества // Прорыв: Становление нового мышления. Советские и западные ученые призывают к миру без войн / Под ред. А. Громыко, М. Хеллмана и др. – М.: Прогресс, 1988. – С. 253-261 [Aksel'rod R. Jevoljucija sotrudnichestva // Proryv: Stanovlenie novogo myshlenija. Sovetskie i zapadnye uchenye prizyvajut k miru bez vojn (Evolution of cooperation // Breakthrough: the making of new thought. Soviet and Western scholars call for peace) / Ed. by A. Gromyko, M. Hellman and oth. Moscow: Progress, 1988. Pp. 253-261].

²⁴ Системная история международных отношений (1918-2000). / Под ред. А.Д. Богатурова. – В 4-х томах. – Том 2. Документы 1910-1940-х годов. – М.: МОНФ, 2000. – С. 27-28 [Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij (1918-2000) (System history of international relations (1918-2000)) / Ed. by A.D. Bogaturov. Vol. 2. Documents 1910-1940. Moscow: MONF, 2000. Pp. 27-28].

²⁵ Wendt, Alexander. Collective Identity Formation and the International State // *The American Political Science Review*, June 1994, Vol. 88, No.2, pp. 384-396; Ruggie, John Gerard. What Makes the World Hang Together? Neo-Utilitarianism and the Social Constructivist Challenge // *International Organization*, Autumn 1998, Vol. 52, No.4, pp. 855-885.

²⁶ Slaughter (Burley), Anne-Marie. International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda // *The American Journal of International Law*, April 1993, Vol. 87, No.2, pp. 205-239; Keohane, Robert O. The Promise of Institutional Theory / Robert O. Keohane, Lisa L. Martin // *International Security*, Summer 1995, Vol. 20, No.1, pp. 39-51.

²⁷ Keohane, Robert O. International Institutions: Can Interdependence Work? // *Foreign Policy*, Spring 1998, No.110, pp. 82-96; Martin, Lisa L. Interests, Power, and Multilateralism // *International Organization*, Autumn 1992, Vol. 46, No.4, pp. 765-792.

гаемого апологетами институционального посредничества, ограничена несколькими факторами. Во-первых, как показывает практика, далеко не все государства одинаково трактуют коллективно установленные правила: достаточно привести пример такого, казалось бы, универсального документа, как Всемирная декларация прав человека ООН, который уже успел обрасти апокрифами вроде «Декларации азиатских ценностей» и «Декларации прав человека в исламе». Во-вторых, ключевым препятствием межгосударственному сотрудничеству остается широко распространенная практика двойных стандартов, осознанно или неосознанно применяемая государствами, в вопросах территориальной целостности и права наций на самоопределение (достаточно сравнить международные трактовки независимости Косово vs Абхазии, Южной Осетии). И в-третьих, что наиболее существенно, идея соблюдения коллективно установленных правил подрывает основы национального суверенитета не только тех государств, кто добровольно участвует в международных институтах, но и тех, кто является объектом их совместной согласованной деятельности (например, в случае миротворческих операций ООН или «гуманитарных интервенций» НАТО). Таким образом, новый мировой порядок, основанный на межгосударственном сотрудничестве, снижает вероятность возникновения, но не дает гарантии предотвращения региональных и глобальных конфликтов.

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЙ ПОДХОД

Ещё Карл Маркс и Фридрих Энгельс справедливо указывали на то, что конфликты являются имманентной характеристикой международной системы, основанной на эксплуатации человека человеком, в которой государства выступают инструментом порабощения неимущих классов. Следовательно, установить новый, неконфронтационный мировой порядок возможно, лишь элиминировав государство как таковое. Далеко не все последователи неомарксизма²⁸

²⁸ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. Н. Тюкиной. – М.: Издательство «Территория будущего», 2006. – 248 с.; Амин,

и так называемой «критической теории», возникшей в результате переосмысления классического марксизма, разделяют эту радикальную точку зрения; в то же время, она является привлекательной для других немейнстримовских течений, таких как федерализм²⁹ и анархизм³⁰. Несмотря на широкий диапазон декларируемых целей (от создания глобального правительства до тотальной децентрализации политической власти) и применяемых средств (от терроризма Михаила Бакунина до пацифизма Махатмы Ганди), представителей интеллектуального андеграунда объединяет кардинальное неприятие существующего мирового порядка и стремление воплотить утопическую идею всеобщего равенства, уничтожив тем самым почву для потенциальных международных конфликтов.

Приверженцы трансцендентного подхода (неомарксисты, федералисты, анархисты, феминисты и пр.)³¹, в отличие от своих оппонентов, рассматривают существующий

Самир. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. – М.: Издательство «Европа», 2007. – 168 с. [Wallerstein, Immanuel. *Mirosistemnyj analiz: Vvedenie (World-system analysis: an introduction)* / Transl. by N. Tjukina. – Moscow: Izdatel'stvo «Territorija budushhego», 2006. 248 p; Amin, Samir. *Virus liberalizma: permanentnaja vojna i amerikanizacija mira. (The liberal virus: permanent war and the americanization of the world)* / Transl. by Sh. Nagiba, P. Kastal'sky. Moscow: Izdatel'stvo «Evropa», 2007. 168 p]

²⁹ Keys, Donald F. The New Federalists // *Worldview*, March 1973, pp. 37-41.

³⁰ Turner, Scott. Global Civil Society, Anarchy and Governance: Assessing an Emerging Paradigm // *Journal of Peace Research*, January 1998, Vol. 35, No.1, pp. 25-42; Chomsky, Noam. Notes on Anarchism // *Anarchism: From Theory to Practice* / Ed. by Daniel Guérin, 1970; Hueglin, Thomas O. Yet the Age of Anarchism? // *Publius*, Spring 1985, Vol. 15, No.2, pp. 101-112.

³¹ См. например: Permanyer, Inaki. On the Measurement of Gender Equality and Gender-Related Development Levels // *Journal of Human Development*, March 2008, Vol. 9, No.1, pp. 87-108; Boardman, Robert. Environmental Discourse and International Relations Theory: Towards a Proto-Theory of Ecosation // *Global Society: Journal of Interdisciplinary International Relations*, Vol. 11, No.1, pp. 31-44; и др.

мировой порядок как пережиток прошлого, архаизм, который рано или поздно уступит место новому, справедливому и гуманному мироустройству. Новый мировой порядок в их интерпретации означает «конец игры», в которой суверенные государства взаимодействуют друг с другом, поскольку в его основе лежит идея объединения всего человечества, пока ещё разъединенного национальными границами, в глобальную транснациональную общность. Представители данного теоретического направления существенно расходятся в оценке параметров будущего мироустройства: от создания Всемирной Федерации до полной ликвидации государственных институтов по всему миру, – что, однако, не умаляет их общей убежденности в необходимости (и потенциальной возможности) глобальной мирополитической трансформации. Весомыми стимулами для формирования нового мирового порядка, по мнению трансценденталистов, являются глобальные экологические и гуманитарные угрозы, с которыми государства не могут (или не желают) бороться ни в одиночку, ни сообща: деградация окружающей среды, распространение инфекционных заболеваний, голод, нищета, войны, ущемление государственным бюрократическим аппаратом основополагающих прав и свобод личности, гендерное неравенство, дискриминация, и т.д. и т.п.

При всей футуристичности подобных теоретических построений следует признать, что проблемы, которые поднимаются трансценденталистами, требуют неотложного решения не только на глобальном, но и на локальном уровне, причем нередко оптимальные варианты их решения напрямую противоречат национальным интересам суверенных государств (достаточно вспомнить многолетние дискуссии, ведущиеся вокруг подписания Киотского протокола). Поэтому, несмотря на крайнюю утопичность и идеализм, «альтернативные» течения продолжают занимать влиятельные позиции в мировом политологическом дискурсе, фактически монополизировав право на морализирование в международных отношениях, так неосторожно отброшенное неолибералами. Отдельные концепции трансценден-

талистов могут показаться наивными (например, «права животных»), отдельные их действия – социально опасными (например, выступления антиглобалистов), однако при всем многообразии и, зачастую, взаимном антагонизме идей, с трудом укладывающихся в эластичные рамки трансцендентного подхода, это, по сути, маргинальное направление мировой политологической мысли позволяет нам заглянуть в будущее – такое, каким мы хотим его видеть, – тем самым дополняя и обогащая две других, «классических» парадигмы постановкой вопросов, которые выпадают из поля зрения мэйнстримовских теорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какая же из трех рассмотренных нами версий мирового порядка – конфронтационная, кооперационная или консенсусная – доминирует в современном мире? Какими будут контуры «нового» мирового порядка, который придет ей на смену? Очевидно, что каждый подход описывает свой фрагмент реальности, поэтому их следует признать, скорее, не конкурирующими, а взаимодополняющими. Очевидно также, что фаталистское видение миропорядка, подпитываемое многомиллионными военными бюджетами, по-прежнему сохраняет свою актуальность, а трансценденталистская утопия, несмотря на её моральное превосходство, по-прежнему остается уделом прекраснодушных мыслителей и радикальных деятелей. Вместе с тем, опыт прошедшего столетия показал, что международные институты, вопреки сетованиям на их кризис и упадок, способны играть значимую конструктивную роль в процессе политико-экономического регулирования мировых и региональных трансформаций. Безусловно, этот опыт должен быть максимально задействован международным сообществом при определении параметров глобального взаимодействия.

Определяя роль России в грядущем мировом порядке, предложим несколько практических рекомендаций. Во-первых, не следует поддаваться на конфронтационную логику, навязываемую фаталистами. Во-вторых, не следует пренебрегать пробле-

мами, сформулированными трансценденталистами. И в-третьих, необходимо всемерно укреплять международные режимы и орга-

низации, выступающие непосредственным инструментом формирования демократических основ будущего мироустройства.

Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация

Ксения Александровна Ефремова, к. полит. н, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России

***Аннотация:** Проблема политико-экономического регулирования современных глобальных трансформаций приобретает для России особое звучание в контексте формирования «нового мирового порядка». Британские исследователи К. Бут и Н. Уилер выделяют три основных подхода к её анализу: фаталистский, посреднический и трансцендентный. Сторонники фаталистского подхода (неореалисты, глобалисты) полагают, что мировой порядок представляет собой игру с нулевой суммой, в которой взаимодействия между государствами осуществляются преимущественно на конфронтационной основе, а принципиальный характер их взаимодействий определяется конъюнктурной расстановкой сил на мировой арене. Последователи посреднического подхода (неолибералы, функционалисты, конструктивисты и др.) считают, что складывающийся мировой порядок напоминает игру с ненулевой суммой, в которой государства предпочитают инвестировать часть своего суверенитета в создаваемые ими международные институты – режимы и организации – в расчете на то, что добровольное соблюдение коллективно установленных правил поможет снизить степень неопределенности в международных отношениях, ведущей к росту взаимного недоверия, и предотвратит потенциальную конфронтацию между ними. Приверженцы трансцендентного подхода (неомарксисты, феминисты, анархисты, федералисты и др.) рассматривают существующий мировой порядок как архаизм, который должен уступить место новому, справедливому и гуманному мироустройству. Новый мировой порядок в их понимании означает «конец игры», в которой суверенные государства взаимодействуют друг с другом, поскольку в его основе лежит идея объединения всего человечества, разъединенного национальными границами, в глобальную транснациональную общность.*

***Ключевые слова:** новый мировой порядок, теория игр, национальный суверенитет, международные институты, международные отношения, дилемма безопасности.*

Towards the New World Order: Theoretical Interpretations and Practical Implementations

Kseniia Aleksandrovna Efremova, Cand.Pol.Sc., Associate Professor of the Department of Asian and African Studies (MGIMO University)

***Abstract:** The problem of political and economic regulation of contemporary global transformations, taken in the context of the New World Order discourse, attracts attention in Russia and abroad alike. Considering this problem, British analysts Ken Booth and Nickolas Wheeler underline three major approaches to security dilemma, namely, fatalist, mitigator, and transcender logics. Followers of the fatalist approach (neo-realists, globalists) believe that world order is a zero-sum game, where interstate interactions are mostly confrontational, and their pattern depends on the current balance of power. Mitigators (neo-liberals, functionalists, constructivists, etc.) insist that the emerging world order is a win-win game, where nations opt for investing some of their sovereignty into newly created international institutions (regimes and organizations), hoping that conventional rules adopted by them would help to decrease international uncertainty, which otherwise might lead to confrontation. Transcenders (neo-Marxists, feminists, anarchists, federalists, etc.) consider the existing world order an archaic one, calling for a new, fair and humane pattern of international relations. According to their logic, the new world order is the end of the game among sovereign states, because it derives from the idea of humankind not divided by national boundaries but united into a global transnational society.*

***Key words:** new world order, game theory, national sovereignty, international institutions, international relations, security dilemma.*